

Под утро разбушевался буран. Ветер в темноте то ломился в закрытые двери построек во дворе – они жалобно поскрипывали под напором, то зло позвякивал старыми пустыми ведрами, висевшими на заборе, пытаясь их сорвать. Везде старался навести свой порядок, но у него ничего не получалось, отчего он еще больше шумел и бесился.

Тимофеич – пятидесятилетний мужик, проснулся сразу, как только почувствовал: что-то не так. Прислушался к порывам, пытаясь понять, насколько сильный ветер? Мелькнула мысль: «Не натворил бы чего?» Но тут же себя одернул: «Что запаниковал! Первый буран, так сразу что-то должно случиться. Зима только началась». Постарался успокоиться. Сон больше не шел, а лежать просто так не хотелось.

«Сколько время?» – подумал Тимофеич, протянул руку, нащупал кнопку ночника. Включил. Посмотрел на часы, они висели на стене повыше зеленого ковра, напротив кровати. Время было пятнадцать минут шестого.

«Можно вставать!» – решил он. – Надо откапывать дорожки до сарая, двери. За ночь, поди, хорошо намело».

Тихонько встал с постели, чтобы не будить спящую рядом жену.

– Ты куда в такую рань? – недовольно со сна заворчала она, не поднимая головы.

– Спи! – прихватил он свою одежду и вышел в прихожую, где первым делом включил свет, потом вернулся, выключил ночник и закрыл за собою дверь в спальню.

Был он высок, широкоплеч, но уже по-стариковски; суховат и сутул.

Седина обветренная короткие волосы, а темная обветренная лицо с правильными чертами было с вечера гладко выбрито. Неторопливо оделся, выгнывая остатки сна из тела, прошел на кухню. Умылся. Достал из холодильника кастрюлю вчерашнего супа, налил в чашку, поставил в микроволновку разогреться. Достал из настенного шкафа пустой бокал, положил в него пакетик черного чая и залил горячим кипятком из термочайника. Из спальни вышла жена в светлой синей сорочке.

– Что тебе не ложится? – опять завела свою пластинку. – Время-то рань, да и темень еще на улице.

– Кто рано встает, тому бог счастья дает, – отшутился он, работая ложкой. – А темень, теперь пока день не прибавится.

Но она пропустила мимо ушей его шутку, будто не слышала.

– Ты у коров подскреби, что за ночь наложили. Я сначала доить пойду, потом печь растоплять буду, – наказала она и, развернувшись, вразвалочку пошла в спальню одеваться.

Он посмотрел на её немного сгорбившуюся спину, на короткие волосы, уже изрядно тронутые сединой, несмотря на то, что она регулярно красила их в темный цвет, они вскоре снова начинали белеть у корней. Жена осенью вышла на пенсию, и он стал замечать, как в ней стала появляться медлительность, то ли старость наступала, то ли просто никуда спешить не надо.

«Время свое берет, – грустно подумал про себя. – Тридцать лет прошло, как мы поженились. Как один день пролетел!»

Вспомнилось, как тридцать лет

назад, когда он молодой, холостой – Андрей Богданов, вернулся из армии. Как картина, встал в его памяти тот день. Поезд пришел рано утром в Бийск из Новосибирска, а автобус в деревню отправлялся с вокзала в обед. Полдня пришлось болтаться по городу. И вот наконец объявили посадку... Первые знакомые лица из деревни, расспросы про службу, про жизнь, но все закончилось, когда тронулся автобус. Пассажиров было немного, поэтому Андрей занял место у окна.

Автобус из Бийска сразу поднялся на увал, сам город остался в низине реки Бии. А дорога пошла по степи, на восток; по правой стороне вдоль увала, откуда иногда открывался вид сверху на темно-зеленый бор, посреди которого синела красавица Бия, а вдали на горизонте виднелись горы. По левую сторону шла степь, но из-за длинных лесополос тополей не было ничего толком видно. Но дорога ушла левее, и перед глазами открылась степь в своей красе: под высоким темно-голубым небом вольно раскинулись распаханые поля с нежной зеленью первых всходов, убегающих аккуратными рядками к темно-голубому горизонту, где сливались в один большой ковер. Среди полей иногда попадались островки из зарослей тальника или берез и осин в легких воздушных нарядах из молоденькой листвы.

День был солнечный, и первое тепло вместе со свежим воздухом проникало в автобус в полуоткрытое Андреем окно. «Остановить бы автобус, выйти в поле, сейчас, поди, жаворонки заливаются в вышине», – подумал он и даже попытался увидеть силуэты птичек в вышине. Но автобус быстро катился по асфальту, как будто шофер торопился быстрее привезти его домой. И кроме черных грачей, лениво кормящихся в поле, он ничего не увидел.

С улыбкой вспомнил, как уезжал

в армию в такой же весенний день, весь в нетерпении, в ожидании впечатлений новой жизни. Служить ему пришлось в Забайкалье, среди высоких сопок, как шубой покрытых темно-зеленой тайгой. Но взгляд был ограничен в пространстве, как будто заставлен декорациями картин из гор. А холодная и суровая красота местной природы вызывала грусть и тоску по родным местам. Ему не хватало степного раздолья, где земля лежит как на ладони, а всюду, куда хватает глаз, небесная синева, рождающая чувство бесконечности и зовущая к полету души.

А сейчас был в ожидании встречи с деревней, с родными.

Вот наконец перед ними открылся небольшой спуск в долину речки Бехтемирки, где, утопая в зелени берез и сосен, вольно раскинулась по холмам родная деревня. Лишь серые шиферные крыши выдавали её да черная металлическая вышка для радиосвязи. Если перед армией вышка казалась ему мертвой громадиной над морем зелени, то теперь напоминала часового, который стоит на страже покоя деревни. И над всем зеленым раздольем опрокинулось высокое темно-голубое небо, по которому, как по океану, плыли небольшие белые облака, как эскадра неземных причудливых кораблей. Теплая тихая радость волной накрыла его душу – он дома!

Два года он ждал этого момента, мечтал о нем. Душа его запела.

Спуск закончился. Дорога стала хуже, попадались выбоины, которые шофер аккуратно объезжал. Андрей с любопытством всматривался в деревню – что здесь стало нового? При въезде в село, где на окраине стояло несколько стареньких домиков с еще темными тесовыми крышами, ему показалось, что здесь время остановилось. И лишь подъехав к середине села, он с радостью отметил, что по правую сторону, где раньше была чистая поля-

на, появилась улица из нескольких новых кирпичных коробок. На некоторых уже были шиферные крыши. Ближе к центру возвышался новый автогараж из серых блоков.

Вот наконец-то его остановка. Выйдя из автобуса, направился по улице домой. Был обед. Людей на улице было немного. Здоровался и спешил домой к родителям.

По дороге решил зайти в небольшой магазин – купить сигарет.

Народу в магазине не было, продавщица скучала за прилавком. Небольшая, немного полная, в белом халате и в косынке, завязанной на голове, она с любопытством смотрела на него в военной форме.

– Вам что? – спросила она.

– Сигарет, – ответил он.

Девушка была незнакомая, до армии её не было в селе.

– А вы чья? – не удержался, спросил Андрей.

– Пока ничья! – отрезала продавщица.

– А-а, понятно, – разулыбался он.

– Я вот с армии вернулся...

– Я поняла, – снисходительно улыбнулась она.

– А вы в клуб ходите? – не отставал он.

– Хожу! А ты что, на свидание приглашаешь? – засмеялась она.

– Да! Сегодня вечером, жду!

– Иди домой, тебя, поди, родители заждались, – ушла она от ответа.

– Вечером жду! – еще раз повторил он.

Она снова только улыбнулась и ничего не сказала.

«То ли не нравлюсь», – подумал он, выходя из магазина.

Она ему понравилась, серые серьезные глаза. Сразу запали в душу. «Раз ничья, значит, будешь моя», – решил он.

Дома после того, как родители успокоились от встречи с ним и сели за стол, он спросил у матери, кто продавщица? И она ответила:

– Да приезжие они, зовут её Катя, год назад приехали родители, через полгода она с дочкой. Разведена, муж, говорят, алкаш. Устроилась в магазин. Тебе это зачем? Тебе твоих сверстниц хватит, да вон и молодняк попрос.

Он ничего не сказал. Было видно, матери не понравились его рассказы о ней.

До армии он не любил обременять себя серьезными отношениями. Его душа в восемнадцать лет жила мечтами в ожидании большого чувства, что зовется любовью. А в деревне, где все знакомы с детства, ему казалось, нет такой девушки, способной на большую любовь. Так только – весело провести время. Но армейская служба своими однообразными серыми буднями сбила с него этот налет мечтательности, и уже хотелось просто нормальных отношений с девушкой, как у всех. На которой можно жениться и жить в деревне. Он еще в армии решил, что будет жить и работать в деревне, хватит с него службы! Посмотрел, как люди живут, и пришел к выводу: «Везде хорошо, где нас нету!»

Вечером он встретился с Катюхой в клубе.

Его удивило, когда рядом, какого она небольшого роста, чуть ли не до плеч! Наверное, со стороны смотрится как девочка-подросток. Но синие джинсы и легкая вязаная кофточка подчеркивали округлые формы женского тела, предательски выдавая её возраст. Короткая прическа из обесцвеченных волос приятно сочеталась с большими, слегка подкрашенными темно-серыми глазами. Он напросился после фильма проводить её до дома. С того дня и закрутилось у них.

Мать была страшно недовольна, когда через полгода они собрались пожениться. И до последнего не хотела идти сватать, пыталась его отговорить, но, видя его упорство, сдалась. Отец же сразу махнул рукой на это.

Сосватали. Катюха согласилась, но только с условием: свадьбу играть не будут, так проживут. Не верила, что он долго протянет в семейной жизни. Он тоже поставил ей условие: жить будем только в деревне. Она, правда, ничего не сказала, промолчала, но потом ни разу его этим не упрекнула, наверное, все приняла как свою судьбу.

Закончив кушать, Тимофеич собрал за собой грязную посуду, все поставил в раковину – жена вымоет. Сам взял с приступка печи валенки, вышел в прихожую, натянул на них калоши. Поставил у порога. Потом натянул на себя утепленные штаны, рабочую куртку и надел на ноги валенки. Напоследок нахлобучил шапку ушанку, взял рукавицы и вышел на веранду. Здесь ветер ощущался сильнее, деревянные доски, из которых она была сделана, поскрипывали. Включил свет на крыльце, в сарае, открыл дверь на улицу. Ветер резко ударил в лицо порывом холодного колючего снега. Вытерев рукавицей лицо, взял пластмассовую лопату, она была воткнута в сугроб около крыльца. Специально купленная для таких случаев. Стал быстро расчищать дорожки.

А ветер шумел где-то в высоте, иногда налетая на деревню снежной бурей, замечая только что прочищенную дорожку.

Чистил Тимофеич быстро и как попало, лишь бы только можно было пройти с ведрами в сарай. «Поди, к обеду прекратится, – думал он, – тогда по-человечески буду чистить».

Когда можно стало пройти в сарай, подчистил у коров, лошадей, потом вернулся домой за ведрами. Жена уже в старом халате налила ему два ведра теплой воды, чтобы кормить свиней. Все у них было отлажено до мелочей, у каждого были обязанности. Молча,

почти не разговаривая, они делали свои дела.

Вернулся в сарай. Он был сделан из теса, с низким потолком, точно под его рост. Делали они его вдвоем с отцом. Он был теплый внутри, со специально разгороженными клетками, где потеплей, там было место для курей, молодняка поросят и телят ближе к двери с одной стороны стояли привязанные коровы, – они держали три головы, – а с другой стороны были две клетки для лошадей. Держали кобылу и мерина. На мерине он ездил на работу. Иногда, правда, запрягал и кобылу, размять, но это было только по выходным. Жалел её, от неё он каждый год получал по жеребенку.

Накормил свиней, сразу вычистил у них в клетке. Пока возился у свиней, жена подоила коров, сейчас они мало давали, надо было запустать перед отелом. Натаскал коровам с телятами сена. Не забыл и про кобылу. Остановился на мгновение перебрать в памяти, все ли сделал? Ни про кого не забыл? Точно! Курам надо пшеницы сыпануть на день.

Сходил в другой сарай, где хранились корма, быстро набрал чашку пшеницы, высыпал в кормушку на полу. Все! Можно мерина запрягать.

Взял уздечку, она хранилась здесь, рядом с клеткой лошадей на столбе, на гвоздике. Зашел в клетку мерина, он, как всегда после ночи, поворачивался задом, чтобы не подставлять голову. Но стоило Тимофеичу громко заругаться, как мерин тут же покорно встал и дал надеть на голову узду. Вывел из сарая к саням.

Буран утихал. А может, это казалось оттого, что стало рассветать. Край неба посветлел на востоке, и стало видно, как ветер остервенело гнал по небу табуны рваных мохнатых туч, иногда спускаясь на землю очередным снежным порывом. Но снег уже был редкий, крупяной. Похоже, на мороз потянуло.

Тимофеич быстро запряг лошадей, взрыхлил вилами сено, отряхнул от снега и уселся в сани. Конь резво тронулся с места.

Выехал из разгороженного на зиму огорода, переехал трассу – она шла рядом с деревней. Дорога для тех, кто ездил на конях, была своя. Шла вдоль той, по которой ездили на машинах. Отчасти это было для того, чтоб кони не шарахались от машин и тракторов. Во-вторых, она была проложена напрямую через сосняк, что сэкономило время.

Ветер все больше слабел, уже не чувствовалось в нем той силы, что была до рассвета. Снег перестал. И только мороз упорно зло обжигал лицо. Но Тимофеич лишь иногда посматривал вперед. Конь уверенно шел рысью по знакомой дороге, несмотря на то, что местами она была сильно перемерена. С фермы в такую рань никто не поедет, только туда на работу. Больше смотрел в сторону деревни, которая оставалась в стороне, в низине. Уже понемногу как на фотографии, стали проявляться дома, сараи, огороды... И все утопало в снегу.

Лай собак да гул машин, иногда проезжавших по трассе, нарушали утреннюю тишину. Уже во многих домах горел свет, как в окнах, так и на улице. А из печных труб весело поднимался дым. Деревня просыпалась после бурной ночи. Небо прояснялось, обнажив высокий темно-голубой купол, кое-где стали видны запоздалые звезды, а на востоке за деревней, где белые холмы встречаются с небом, заиграла алая заря, предвещая, что скоро подымится солнце и будет ясный день.

Но тут дорога нырнула вправо в сосняк. Сосны молча окружили с двух сторон высокой стеной, посаженные когда-то людьми недалеко от села, они давно превратились в красивый сосновый бор. Несмотря на прошедший бурян, кое-где, как клочки ваты,

белел на мохнатых ветках уцелевший снег. Только скрип саней да фыркание лошади нарушали тишину. Тимофеич подумал: «Что там нового у детей?»

Сразу почему-то вспомнились мать с отцом. Сейчас, когда он уже похоронил их, он вдруг стал испытывать чувство вины, особенно перед матерью – отец все время пропадал на работе. Детьми занималась она. Когда был молодой, казалось, мать ничего не понимает в его жизни и только зря лезет в его дела. Из-за этого он часто на неё обижался. Но когда у него появились дети, он сам начал переживать за их судьбу. Тогда он впервые задумался, а что же испытывали родители, когда рос он с сестрами. С двумя старшими сестрами проблем не было, мать их держала строго, с детства приучала к порядку: поели – помойте за собой посуду, подметите пол. Пришли со школы, отдохните и – за уроки. Проблемы были только с ним.

У него, слава богу, в этом отношении нормально. Старшая, которая неродная, жила в городе, муж – строитель. Все мотается по стройкам, уж, наверное, всю Россию взял, и в Москве работал, и на Дальнем Востоке, получал неплохо. Единственное, что им с супругой не нравилось: дома редко был. Внуки без отца росли.

Младший сын заканчивал техникум. Жил у сестры, все какая-то помощь. Конечно, им, как всяким родителям, хотелось, чтобы дети жили рядом. Но то, что происходило с деревней в последние годы, разбивало все эти надежды, и про жизнь в селе, ни у кого не было разговоров. Даже он, всю жизнь проживший здесь, с грустью и болью в душе понимал: «Зачем им ехать сюда?»

Его мать тоже хотела когда-то, чтоб он в город подался, выучился на какую-нибудь специальность. Но учеба ему не давалась, голова непонятно чем была забита. В школе отсидишь до обеда, домой при-

дишь, поешь и с пацанами на ферму до вечера отцу помогать. Нравилась деревенская жизнь...

Мать вечером уроки заставляла делать, ворчала:

– Ты чо надумал у нас? Коровам всю жизнь хвосты вертеть! Вон глянь на отца – руки ниже колен. По ночам спать не может – болят. Учиться, сынок, надо! – уговаривала она его. – Ученье – свет, а неученье – чуть свет и на работу. Света белого видеть не будешь.

– Если все выучатся, кто землю пахать будет? Скотину кормить? Хлеб-то где брать будете и молоко с мясом? – возражал ей отец, уже принявший пару стопок водочки. Он любил после работы, чтобы мать ему четок купила, для обезболивания рук.

– Посмотрите на него! – возмущалась мать. – Что-то из начальства нашего никто своих детей в деревне не оставил. Все в городе пристроили. Институты покончали, теперь и палкой не загонишь в село.

– Ну и хрен с ними! А мы Богдановы всю жизнь на земле жили. И Андрюха пушай в деревне живет. Династия у нас такая.

И между ними начинался скандал. Матери было уже не до того, как сын учит уроки.

Разговор про династию ему нравился. В школе про это тоже говорили, когда колхозное начальство приходило, особенно парторг. Высокий мужик с черными вьющими волосами, всегда в костюме, при галстукке. Его почему-то сразу усаживали в президиум. Он молча сидел на своем месте, поглядывая на всех умными черными глазами. И когда ему давали слово, он вставал и начинал с обзора международной обстановки, как буржуи из США и Европы хотят задушить Советскую власть. Потом переходил на внутреннее положение, говорил о задачах, поставленных партией и правительством.

Речь его вначале была спокойной и ровной. Но чем ниже он спускался в своей речи о делах и задачах края и района, тем речь его становилась тверже и требовательней. Заканчивал он положением дел в совхозе, рассказывал о планах и об их выполнении. Приводил в примеры передовиков, в том числе называл и фамилию отца Андрея. Чем вызывал в его душе гордость. И призывал всех оставаться после школы в деревне, подымать родное село.

И вот однажды, когда родители в очередной раз ругались из-за его уроков, Андрей решил поддержать отца и рассказал о парторге, о его призывах оставаться в селе, однако реакция отца удивила.

– Сынок, ты уже большой! – вдруг резко и зло заговорил отец. – И тебе надо меньше слушать этого пустобреха, парторга. Он в жизни ни разу вилами не работал и мешки не таскал. Вся жизнь в теплом кабинете и языком болтает. Его за это и держат.

Андрея неприятно поразили слова отца, но тот взял четок, налил стопку, выпил. Закусил соленым огурцом и вмиг повеселевший, что, казалось, разгладились морщинки на его красном обветренном лице, заговорил:

– Вот однажды стали мужиков на военные сборы собирать, председателя профкома забрали – никто ничего не заметил, парторга забрали – тишь и благодать в деревне. А моего напарника Валерку Ассея забрали, все начальство забегало – кто телят кормить будет? Вот, сынок, на ком колхоз держится! – закончил с гордостью в голосе.

Промучился Андрей в школе до восьмого класса, и как мать его ни заставляла – и ругала, и просила, – бросил школу, пошел в колхоз на ферму работать. На пару с отцом телят набирали и выращивали, пока тот на пенсию не ушел. Пожил после недолго: сразу навалились болячки, стал сильно кашлять, похудел. Через три

года от рака легких помер. Мать отца на десять лет пережила. А он – сын – так и работает скотником, теперь его уже давно все называют Тимофеич.

Закончился сосняк, и перед Тимофеичем открылось как на ладони ровное белое поле, разделенное на две части тонкой ниточкой – дорожкой от саней. Поле упиралось в небольшую голую гору. И на краю его возвышались животноводческие постройки. Однотипные темно-серые продолговатые здания, они стояли параллельно друг другу, покрытые, как все вокруг, снегом. Около них немного на отшибе в одиночестве чернела водонапорная башня. За ней был сеновал, где темнели длинные скирды наложенного в тюках сена, там же были две ямы сило-са и сенажа. Вся ферма когда-то была огорожена сеткой и окопана траншеями, но изгородь давно разобрали, остались лишь белые горки земли от траншей, которые, как волны, возвышались над темно-рыжим бурьяном из крапивы и конопли.

В одних зданиях в замерзших от инея окнах желтел свет, а в других мрачно темнели пустые оконные проёмы. По ним сразу можно определить, где стоит скотина и есть жизнь, а где все брошено и только сквозняк гуляет внутри. Его телятник был самый крайний, там горела только пара окон. Потому что на ночь оставляли только две контрольные лампочки, а включали остальной свет они с напарником – кто раньше приедет на работу. По чистому нетронутому снегу возле ворот в зимник стало ясно Тимофеичу – он первый. Привязав коня у небольшого деревянного тамбура за столб, он вошел внутрь, принеся с собою облако холода. Включил свет. Прошел по проходу. Телята сразу зашевелились и начали вставать с пола и подтягиваться по привычке к кормушкам.

– Что, архаровцы? – заговорил с ними по-свойски Тимофеич. – Время жрать подходит.

Он внимательно не спеша оглядывал телят, как встают, двигаются. Сколько корма осталось в кормушке? Есть ли вода в железной колоде? От всего этого зависит, с чего начнется его рабочий день.

К середине зимовника, где была побеленная с лета кирпичная перегородка, за которой начиналась половина его напарника, у Тимофеича был отгорожен угол из жердей. Там у него уже четвертый день была загнана телочка, которая заболела. Последние дни ей стало заметно лучше, после укола ветврача она повеселела и стала есть. Тимофеич каждый день запаривал горячей водой из титана сено и потом намешивал к отвару муку и поил из ведра, надеясь, что она оклемается и её снова можно будет выпустить в гурт.

Но сегодня она даже не пошевелилась при виде него, как с вечера легла в угол на солому, так и за ночь не вставала – это было видно по куче кала у её хвоста и по почти нетронутому корму в кормушке. «Эх-х! – глубоко вздохнул Тимофеич. – Надо бы полностью курс проколоть, а ветврач потерялся, придется к бригадиру идти скандалить!»

Теленка было жалко. Эту телочку он сразу выделил, когда осенью принял телят от телятниц – они после весовой пригнали их ему в помещение. Здесь не отапливалось в отличие от телятника, было холодно и влажно. Телята с испугу сбились в кучку и жалобно замычали, стараясь понять, где они есть. Эта телочка сразу выделялась своим спокойствием, наверное, все приняла как должное, не мычала, а деловито с любопытством осматривала все вокруг своими большими темными глазами, иногда обнюхивая черным носом незнакомый воздух. Этим она понравилась, и он постарался запомнить её по рисунку белого пятна

на лбу – это была профессиональная привычка, ведь добрый скотник должен знать своих телят в «лицо», этому учил его еще отец.

Под лицом Тимофеич имел в виду не только морду животного, а скорее набор индивидуальных отличий теленка: от рисунка пятен в окрасе до повадок. Это потом помогает контролировать стадо.

Раньше стоило ему только открыть двери, чтобы заехать на коне, чтобы раздать воз сенажа, как она одна из первых занимала место у кормушки. Это было неплохим знаком, и по жизни он знал, что из таких шустрых вырастают хорошие коровы. А тут вдруг равнодушно осталась в стороне, понуро опустив голову. Стало ясно, что она заболела, и он пошел к бригадиру, чтоб тот послал ветврача. Бригадир пообещал: «Ветврач будет вечером». А Тимофеич в этот же день выкроил время, привез из дома гвоздей и отгородил ей отдельный угол из жердей.

Ветврачом был сынок бригадира. Младший из трех сыновей, который раньше болтался по деревне. Но тут отец стал начальником на ферме и его взял работать санитаром. А когда старый ветврач ушел на пенсию и пока искали нового, сынок остался за ветврача.

Вечером, когда Тимофеич насыпал муку из мешков по кормушкам и запустил телят в зимник на ночь, ветврач появился. Худощавый парень, лет тридцати, в шапочке и в темно-синем расстегнутом халате, надетом поверх куртки, он деловито сжимал в руке шприц с лекарством. Они зажали теленка в углу, и тот поставил ему укол.

– Чо ты ему поставил? – спросил Тимофеич

– Антибиотик. Ты же сказал отцу, что телёнок плохо ест, вялый, значит, где-то воспаление. Будем проходить курс.

– Вы бы его на всякий случай, вернули обратно к телятницам, у них условия получше... – попросил он ветврача.

– Зачем?! – возразил тот. – Я и здесь прокалю.

Развернулся и ушел.

На второй день теленку стало заметно лучше, но ветврач не появился. Как и на третий. Каждый день Тимофеич с утра ходил к бригадиру и напоминал, чтобы ветврач ставил уколы, тот обещал, но каждый раз находились какие-то причины.

Он подошел к тёлочке похлопал её по спине. Она попыталась встать, но ноги плохо слушались. Тимофеич помог подняться. Тёлочка даже сделала несколько неуверенных шагов и снова легла.

– Да-а, приспичило тебя-то как! – задумчиво протянул Тимофеич. – Надо срочно ветврача.

Набрал немного корма из кормушки руками, положил прямо на пол перед тёлочкой, она сразу попыталась немного схватить.

– Ешь! – подбодрил её с надеждой в голосе Тимофеич. – Ешь и будешь жить.

Сам сразу к коню и направился в коровник, где обычно находился бригадир. «Хоть бы ветврач на работе был...» – с тревогой в душе думал Тимофеич. Весь день был испорчен, он чувствовал это, но теперь главная забота – как помочь теленку, от утреннего спокойствия не оставалось следа.

Подъехал к дойному помещению, оставил коня у входных дверей, едва прихватив за вожжу, а сам направился внутрь. Ни с кем сильно не разговаривая, только здороваясь кивком головы, он прошел по кормовому проходу по коровнику, вдоль которого в два ряда стояли коровы, гудели монотонно моторы и копошились доярки с доильными аппаратами, прицепляя их к вымени коров. И направился в

молочный блок, где была бытовка. Чуть ли не пинком открыл дверь.

Бригадир по утрам устраивал для работников что-то вроде планерки. Садился за стол, за которым обычно молоковед записывала надои, и с назиданием в голосе по-стариковски всех воспитывал:

– Мало доем! Хозяин не доволен. Не выгодно ему вести такое производство. Помучается еще с годик с нами, потом продаст всех коров. Как жить будете? – пугал он. – В деревне работы больше нет! Мне-то до пенсии немного, дети пристроены...

Это была любимая его песня. Он очень гордился своими старшими двумя сыновьями, которые где-то в городе работали шоферами, про которых в деревне мало что знали, в отличие от младшего, что у него все нормально, все хорошо и что он всего добился в жизни.

Рабочие слушали, молча и терпеливо, изредка украдкой поглядывая на часы, когда подойдет время идти доить, кормить. Давно отошли те времена, когда можно было сказать в глаза такому начальству то, что думают о нем, – кто возражал ему, давно уже не работали здесь.

Бригадиру оставалось два года до пенсии. Он тоже родился в этой деревне, здесь окончил десятилетку, поступил в техникум, но учеба там у него не пошла. Забрали в армию, там вступил в партию, после неё, как молодого коммуниста, поставили работать бригадиром в полеводство. Потом пошел на повышение – стал председателем профкома. Оттуда выдвинули в председатели сельсовета. Так всю жизнь где-то в начальстве проболтался.

Интересный был мужик, умел нос по ветру держать. Когда был председателем профкома, ездил по фермам, все интересовался условиями труда животноводов, выступал за них: то магазин надо на ферме открыть, то

пирожки возить из столовой людей подкармливать. Был в доску свой парень.

Стал председателем сельсовета, как маску сменил, ходить стал в галстук, даже летом в жару. Отзываться стал, когда его по имени отчеству назовут. Больше всего ему нравилось организовывать демонстрации, то на 1 Мая, то на 7 Ноября с красными флагами. Соберут школьников, учителей, колхозников, пройдут по центральной улице и к сельскому Совету. Там около него на улице была сделана деревянная трибуна; на ней – совхозное начальство, и он туда же. Речи толкать.

У него после этой работы, когда Советская власть сгинула и не стали проводить демонстраций, осталась страсть к речам. Он даже не стеснялся приходить на похороны, если умирал какой-нибудь пенсионер, бывший передовик. Дожидался, когда около выкопанной могилы поставят гроб с покойником, чтобы родные попрощались. Подходил к гробу, снимал кепку, крепко сжимал её в руке и начинал рассказывать, какой человек был покойник. Для деревни это было в диковинку! Обычно поплачут родственники около гроба – и все. А тут речь, прямо кино какое-то. Говорил спокойно, неторопливо, ничего не забывая, как будто готовился заранее...

Но когда у людей появилась возможность выбирать главу села, выбрали другого. А он теперь на каждых выборах упрямо выдвигал свою кандидатуру, но люди упорно не хотели за него голосовать.

Так бы остался он неизвестно с чем, да в деревне появился новый хозяин фермы. Понадобился ему человек, который бы присматривал на ферме. Тут он и пристроился, работа была по нему. Деревенскую жизнь он знал изнутри, людей тоже, и самое главное – опять в начальство попал, опять на виду.

Бригадир был один, сидел без шапки, она лежала тут же на столе, и делал какие-то заметки из журнала надоев себе в записную книжку.

Поздоровались.

– Надо ветврача! – сразу заявил Тимофеич, не снимая шапки, прошел, сел на свободную скамейку, стоящую вдоль стен. – Какого хрена он не появляется? Теленок сегодня не встал.

– Замучил он меня, – пожаловался по-свойски бригадир, не отрываясь от бумаг. – Ни хрена работать не хочет. Сноха жалуется, ночь проиграет в компьютере, днем как вареный ходит. Все разводиться с ним хочет. Мы уж с женой не знаем, что с ним делать.

– Это ваша проблема! – отрезал Богданов, – Теленка лечить надо. Падеж будет.

Бригадир, не почувствовав поддержки, с удивлением посмотрел и переменял тон:

– Ладно, иди работай, я сейчас за ним съезжу, пошлю его, – заодно наказал: – Сегодня Барин приезжает, чтоб везде порядок был! Заодно попробую решить вопрос, может, его на санбойню увезем.

– Ты чо, охренел?! – удивился Тимофеич. – Какая бойня? С него даже одной колбаски не получится. Проколоть уколы, он и встанет.

– А тебе какое дело? – разозлился бригадир. – Твой он, что ли, или мой?! А Барину все равно, одним больше или меньше, лишь бы убытка не было. А сдохнет – кто платить будет? Иди, корми телят. Я тут сам разберусь.

– Разбирайся! – встал Тимофеич и направился на выход, хлопнул напоследок дверьми. Спорить не было желания. Знал, кроме скандала, ничего не получится. Да и время поджимало, надо было остальных телят кормить «Мужики, поди, собрались уже на сенажной яме», – подумал он.

Время шло, уже солнце огненным колесом поднялось в темно-голубом

небе. Под яркими лучами холодно играл блестящими свежий снег, весело скрипя под полозьями саней мелкими льдинками. Мороз стал отпускать, принося бодрящую свежесть и чистоту этому дню.

Но это не радовало. Ветврача не было. Давно съездили за кормами, первый воз сенажа раздал внутри помещения, рано было телят выпустить на улицу, ждали, когда мороз ослабнет. Потом съездили с напарником в сеновал за тюками сена, тракторный погрузчик легко загрузил тюки им в сани. Развезли каждый в свой пригон. Сначала напарник пришел, помог ему разгрузить и раскатать, так же сходили и сделали ему, потом каждый сложил сено в железные колоды. Снова съездил за возом сенажа на яму. Раздал в пригоне, накидал поверх сена. Когда ездил за сенажом, посматривал в сторону дойного гурта, где по времени за доярками должен был приехать небольшой старенький автобус, надеялся, может на нем подъедет ветврач. Но подъехал автобус, из него вышел шофер, сходил за доярками – они уехали. Оставалась надежда, может, бригадир, на своей машине привезет.

Выпустил телят в пригон. Они гурьбой, выпуская сизыми струями теплый пар изо рта, толкаясь и мешая друг другу, дружно устремились к колодам. А Тимофеич, закрыв за ними ворота, заехал в базу чистить. Первым делом глянул телочку, та немного съела корма, что Тимофеич давал ей утром, но также лежала, печально положив голову на пол, прикрыв глаза.

Тимофеич больше не стал тревожить телочку. Принялся чистить: сначала вычистил кормушки, выкинув все остатки сенажа на пол, потом прошел, соскоблил весь навоз с пола от стен к проходу, вместе с остатками корма в небольшие кучи. Понемногу продергивая коня вперед, скидал все в сани, получился неплохой воз.

Вывез на улицу, где все разгрузил, недалеко от пригона, в отведенном для этого месте.

Ветврача так и не было.

«Теперь, если появится, только с обеда, – понял Богданов. – Можно ехать домой». И подъехав к пригону, кинул в сани специально оставленную там для коня охапку сена и поехал домой.

Дома он сразу взял лопату и стал чистить дорожки. На душе кипело, такое с ним происходило, когда что-то не получалось и он начинал злиться. Молча, с остервенением сгребал снег так, что лопата глухо скоблила по мерзлой земле, и быстро кидал в сторону. Стараясь захватывать больше, чтобы было тяжелее. Но снег был свежий легкий, рассыпался как пух. Что еще больше злило. В это время ему хотелось побыть одному, выплеснуть из себя негодование на бригадира и отключиться от мыслей о больном теленке и не появившемся ветвраче. Сгребал и кидал, словно где-то здесь в снегу была зарыта причина всех его сегодняшних проблем. И если она найдется, то все в его жизни встанет на свое место. Вскоре от быстрой работы вспотела голова. Остановился, снял шапку, вытер лоб. Немного постоял, подышал морозным воздухом и снова принялся чистить дорожки.

После того как прошел с лопатой, еще раз пробежал с метлой, тщательно все прометая. Потом взялся убирать в сарае, душа понемногу стала успокаиваться, все мысли были уже о своем хозяйстве. Он любил его, здесь чувствовал себя настоящим хозяином, который отвечает за все. А на ферме начальство распоряжалось, как им кормить, кому лечить. Дома Тимофеич делал, как воспитал отец: кормил скотину сам, жену не подпускал, только когда приезжал сын, он отправлял его в сарай, чтобы сын знал, как им с матерью все достается. Но тот делал не так, как делал он сам. . .

Сначала, когда сын стал учиться в городе и приезжал на выходные домой, было видно, что он с удовольствием шел помогать по хозяйству. Но чем больше учился, тем больше становилось видно, что ему это неинтересно. Прибежит, как попало раздаст корма и даже толком за собой не подметет. Зато появились разговоры о том, как можно хорошо зарабатывать в торговле или ремонтом машин.

Не понимал он сына, хотя старался. Видел, что жизнь сейчас стала другая. Все – Деньги! Если они у тебя есть, ты вроде как хозяин жизни. Неважно, как ты их добыл, честной или нечестно, это никого не интересовало, главный вопрос: сколько их у тебя? Отсюда и уважение будет к тебе, и зависть! Потому что чужое богатство для большинства людей – это внешнее уважение. Вроде показывают, а внутри черная зависть, как ржавчина, разъедает человеческую душу, толкая его на преступления «А чтобы человек не погиб, – считал про себя Тимофеич, – надо, чтоб он в молодости определился, до какой черты может дойти из-за денег».

Побаивался он в душе за сына, чтобы мысли о деньгах не завели его куда-нибудь, поэтому и тянул его к хозяйству, внушал, что деньги надо зарабатывать своим трудом. Посмотрел он в девяностые, как большие деньги ломали людей: кто уже в могиле лежит, кто через тюрьму прошел, а кто попросту спился, единицы только смогли остаться на плаву и приумножить свой капитал. «А хозяйством жить можно! – верил он. – С голоду не помрешь, и копейка всегда будет».

Вот так, перебрав свои мысли в голове, немного успокоившись, накормив скотину, пошел в дом на обед.

Нравилось ему с мороза возвращаться домой. Сразу попадаешь в облако тепла и запахов с кухни, которые так приятно дразнят. Сегодня пахло луком и жареным мясом. «Кот-

леты приготовила!» – сразу догадался Тимофеич.

Неторопливо разделся. Но прошел не на кухню, потому что знал, там уже накрыт стол, – жена в окно видела, как он копался по хозяйству, и знала, что, пока скотину не накормит, в избу не зайдет, – а заглянул в зал, где бубнил телевизор.

Жена сидела в кресле, смотрела сериал.

– Как дела? – спросил он и, не дожидаясь ответа, задал новый вопрос. – Дети не звонили?

Но она, увлеченная своими сериалами, то ли первый вопрос не слышала, то ли сказать было нечего, и так все понятно, ответила только на второй:

– Нет! Иди ешь, а то все остывает.

Поел он и сразу засобирился на работу – беспокоил больной теленок.

– Ты, что ли, даже отдыхать не будешь? – с удивлением спросила жена, услышав, что он одевается, даже вышла из зала, оторвавшись от телевизора.

– Да, теленок заболел! – сказал Тимофеич. – Плохо встает, почти не ест. Бригадир обещал ветврача прислать, да тот не появился. Если после обеда не будет, придется, наверное, идти к Барину, сегодня приезжает. Чтоб нашему начальству шею намылил...

– Смотри, чтоб тебе не намылили, – усмехнулось жена.

– Ты не ты будешь, Катюха, – ласково сказал он, уже выходя из дому, – если под шкуру не залезешь.

Специально жаловаться идти Барину не хотелось. Мерзко это, как-то не по-мужски. Надеялся, что бригадир заставит сына быть на ферме и все разрешится само собой. Главное, чтоб теленка поднять на ноги. Барин – владелец этой фермы, бригадир ему сам все доложит. Из всех хозяев, которые были до него, последний Тимофеичу больше всех нравился.

Особенно запомнился первый хозяин. Странная жизнь перед его появлением тогда наступила в деревне. Все время деревня раньше держалась на колхозе где пахали, сеяли, выращивали телят, доили коров. Сдавали государству молоко, пшеницу, мясо. Получали зарплату. А тут раз – девяностые годы! Цены на горючее стали расти, а на молоко и пшеницу нет, и хуже всего – не стали за них рассчитывать. Не стали выдавать и зарплату. И тут Тимофеич впервые заметил, как в людях начало проявляться паскудство по отношению к другим. Своровать, обмануть – первое дело, значит, умеешь жить.

И первые, в ком это стало проявляться, – начальство. Приезжали на ферму тогда каждый месяц, собирали собрание животноводов, все отчитывались о проделанной работе. Заслушивали, голосовали по итогам, а когда люди задавали вопросы «Когда отдадут зарплату?», тут начальство беспомощно разводило руками: «Жизнь сейчас такая, терпите, сами так живем. Деньги, какие отдают, все идут на ремонт техники, посевную, или уборку проводить надо».

А в деревне жизнь каждого на виду. На вопрос доярок, откуда у председателя новая иномарка, тот только нагло улыбался: «Наследство от тещи получил».

Чуть ли не каждый год стали менять председателей. Нового выбирали, обещал разобраться с бухгалтерией, навести порядок, а через год ситуация повторялось – лишь бы себе кусок отхватить пожирней! Глядя на них, и остальные стали тащить. Хорошо, если везли домой, а то и просто на пропой. В общем, жили по принципу: все колхозное – все ничье. Каждый деньги добывал, как совесть подсказывала, если она была.

Тут Богдановых выручило личное хозяйство, вместо одной коровы

стали держать три, излишки молока жена стала возить с соседями в город продавать, так же и с мясом. На то жили. Жизнь без колхоза ему не представлялось – вся техника в колхозе. Сено поставить, с косою руками на три головы накосить – это все лето в поле жить! А концентраты где брать? Чтобы землю взять, её надо чем-то обрабатывать? А тут хоть зарплату не дают, так под неё корма можно выписать, да где и без выписки привезешь. Да и надежда была: неужели такому предприятию, как колхоз, на котором жизнь всей деревни держится, государство даст погибнуть. Не верилось, ведь разрешили частную собственность. Пускай, кто с деньгами, возьмет их колхоз, а любой хозяин вряд ли будет терпеть бардак, который творится у них.

Тут Тимофеичу почему-то сразу вспоминалось, какие раньше были председатели колхоза, умели мужики держать коллектив в кулаке, жили хорошо, зарплату исправно платили. Казалось, надо выгнать кой-кого из нынешнего начальства, навести порядок в бухгалтерии и жить как раньше.

И вот осенью, в октябре две тысячи первого года, когда они пригнали скотину с летних выпасов на зимники, управляющий отделения приехал утром на ферму и объявил: «Сегодня общеколхозное собрание. Всем в двенадцать часов в клуб. Районное начальство будет представлять хозяйина, который купил колхоз за долги».

Тимофеич подошел к двенадцати к клубу, несмотря на ясный день, было прохладно. Тянул холодный ветерок, обрывая последние желтые листья со старых тополей, устилая ими все дорожки перед входом, где, столпившись, курили мужики.

– Не торопись! – остановил его напарник. – Покури, начальство поехало по фермам хозяйство показывать хозяйину».

Стояли они недолго. Вот подъехало несколько машин, в основном

«уазики». Среди них резко выделялась черная новая иномарка, не уступающая по своим размерам никому. Из неё вылез высокий худощавый мужчина и сразу подошел к главе района. Они, что-то живо обсуждая, направились в клуб, за ними и остальные, кто был в машинах. Шел он как на шарнирах, раскидывая ноги, размахивая руками, в другое бы время и у другого человека эта походка вызвала бы улыбку. Но его черный костюм, надетый поверх темной коричневой рубашки, не располагал к насмешкам. Был он в темных очках, из-за которых не было видно ни цвета глаз, ни их выражения. Говорил резко, отрывисто, иногда жестикулируя руками с растопыренными пальцами. Впечатления хозяина он не производил, больше своей манерой держаться напоминал лагерного урку, который умеет фарт держать в руках, чтобы карта правильно легла.

Толпа почтительно замолчала при подходе начальства.

Глава поздоровался с людьми. А новый хозяин, увлеченный разговором, не только не поздоровался, но даже и не посмотрел толком на людей, как будто их для него не существовало. На собрании, когда представили его в новом качестве, он не стал выходить к трибуне, как делали до него выступавшие, а встав с места бесцеремонно и грубо заявил:

– Я ваш новый хозяин, и вы будете работать на меня, кто не хочет, может сразу увольняться. Деньги платить буду хорошие, лет через пять вы у меня будете ездить на своих машинах. А за воровство буду наказывать жестоко, по-своему...

После этого выступления его сразу стали называть Бариним.

Первое, что он сделал: везде поставил свою охрану. Начальником охраны привез бывшего милиционера, которого уволили за что-то из милиции. Небольшой, плотный, с красной рожей и с наглыми глазами.

Тот сразу взялся ловить несунув. За что быстро получил кличку Куроцуп.

Называли его так за глаза. Тогда на ферме доярками работало много баб одиночек с детьми. То ли милицейское чутье хорошо работало, то ли просто разум подсказывал, что жить на что-то людям надо. Больше всего он любил шмонать, чтоб молоко не таскали с фермы. Так бабы при одном виде его как-то сразу сжимались, замолкали, как курицы наседки при виде какой-нибудь опасности. Отсюда родилась его кличка.

Главное, считал Барин, создать систему, чтобы скотина вовремя была накормлена и подоена и не было воровства. Отсюда учинял жестокий спрос, если происходил какой-нибудь сбой в кормлении или в доении. Легко выгонял любого специалиста, рабочего. Людей для него не существовало, были только работники.

Если раньше крестьянин мог прийти к председателю, попросить машину привезти домой уголь из города или что-нибудь другое, особенно пенсионеры, отдавшие жизнь деревне, теперь таких ходяков он грубо с матом выставлял за дверь. Считал, что колхоз – это теперь его личная вотчина, а колхозники – дармоеды, которые только привыкли воровать и водку пить.

Тимофеич принял новые порядки спокойно, от бардака давно устал. Хотелось порядка на ферме, как было когда-то. Работать он мог и любил. Не зря считали, что он злой до работы. С молодости скотина у него была лучше всех; всегда ухожена и накормлена. А почему злой, так это, наверное, из-за того, что не успокоится, пока не будет все в порядке. Не любил, когда зоотехник, невысокий черноволосый мужик родом из города (черт его дернул выучиться на сельского специалиста, а городская закваска осталась – мало что понимал в деревенской жизни), нудил и пытался заставить кормить по бумаге:

– Кормить надо по лимиту из расчета, чтобы кормов хватило на всю зиму. Я же специалист с высшим образованием, я вам составляю рацион, и вы должны ему следовать.

Тимофеич улыбался ему в ответ и говорил:

– Корма – это ваша проблема, где и как вы будете брать. Вам за это деньги платят. А я должен накормить скотину, чтоб она блестела!

Под словом «блестела» он подразумевал, что у сытой скотины шерсть лоснится и блестит. И поэтому, в отличие от других скотников, которые быстро завозили только по отведенному лимиту и ехали довольные домой, несмотря на все ограничения, запреты, рвал и метал, пока у его телят на будут полные кормушки. У Барина по привычке работал так же, в надежде, что будет получать достойную зарплату.

Но зарплату платить тот не спешил, хотя обещал регулярно, но каждый раз причины были, что и раньше. То пшеница ничего не стоит, то за молоко не рассчитываются. А наказывал жестоко, если Куроцуп ловил мужиков на воровстве, то приезжали накаченные ребята из города, заталкивали воришку в машину и увозили в контору на разговор. После таких разговоров мужик приезжал весь помятый, сникший. Хотя синяков на лице не было. Умели прессовать, сволочи...

На второй год после появления Барина и природа решила преподнести колхозникам сюрприз. В мае дожди были, но до самого конца холод стоял, что в осенних куртках проходили, как будто лета не будет. А в июне, наоборот, не было ни одного доброго дождя, хотя каждый день солнце жгло и парило, как перед грозой. Но на небе, словно затвердевшем в своей блеклой синеве, не было ни тучки. И еще не начался сенокос, а мужики уже начали жаловаться, что травы нынче редкие. И вправду, где

раньше убирали по сто тюков сена, едва накашивали на тридцать-сорок.

Но надежда, как известно, умирает последней. Казалось, будут еще дожди и к осени поднимется отава. И вправду с августа пошли обильные дожди. Высохшая земля жадно впитывала влагу. Но прошла неделя – все бы, хватит! Теперь бы ясных, теплых дней! Но в небесной канцелярии были свои планы, установилась сырая холодная погода, с тяжелыми темно-серыми тучами, которые медленно ползли над землей, часто поливая её морозящим дождем, вызывая в душе чувство безнадежности.

Цены на сено выросли: если раньше тюк стоил триста пятьдесят рублей, теперь продавали за семьсот, и люди хватали. Всем стало ясно – больше ждать нечего от колхоза, вернее, теперь от Барина никакой помощи не будет.

И в начале осени перед Тимофеичем встал вопрос: что делать с личным хозяйством, пускать на забой? Но закупная цена на мясо упала, люди стали сдавать скотину. Зарплаты, которую Барин давал иногда частями, да плюс что получала жена (она тогда работала продавцом в магазине у частника, тот давно платил минималку, знал, в деревне больше работы не найти) им хватало только двоим, а детей как учить? Старшая уже поступила в институт, на платное, младший учился в школе.

Крепко стал Тимофеич задумываться: как дальше быть? Не понимал новых хозяев жизни. Как можно относиться к людям так? Вроде все при Советской власти выросли, где говорили: «Человек человеку – друг и брат». А оказалось, что скотина на ферме Барину дороже, чем люди.

Даже по ночам стал просыпаться в беспокойстве. Долго лежал в темноте с открытыми глазами, уставившись в едва белеющий оконный проем, за которым сырая мгла иногда тихо скреблась дождем по стеклу и кро-

вельному отливу окна. Слушал ход часов, который равномерно разрывал ночную тишину, отдаваясь в голове. Пусто и тоскливо было на душе. И только жена, тихо посапывающая во сне рядом, согревала своим присутствием. Думал: «Как же так получилось? Как дальше жить?»

Перебирал все последние события своей жизни и мучительно искал выход. Пока однажды не вспомнилась ему одна картинка из детства, увиденная в какой-то книге: на ней молоденькая учительница учит крестьян грамоте. Пишет на доске: «Мы не ра-бы. Ра-бы не мы». И в голове его родился вопрос: «А кто же рабы?» Тут же сам ответил себе: «...Если не мы».

От этих мыслей поднялась злость: «В кого превращаемся? Ну хрен вам! – закипело в нем, и решил: – Будь что будет, а свою скотину на забой не сдам. Кормить буду с фермы, а если поймают, вилы пущу в дело, животы кой-кому попротыкаю, а там – на все воля Божья».

Улыбнулся в темноте сам себе от такой решительности и от того, что Бога вспомнил. Правильно говорят: «Гром не грянет, мужик не перекрестится». С тех пор успокоился. О своем решении никому не стал говорить.

Но жена заводила разговор:

– Что будем делать со скотиной?

Он отрезал:

– Держать! Сена немного купим, – и загадочно улыбался: – Я же на ферме работаю.

Она замолчала, но в глазах появилась тревога. Ведь по разговорам знала о новых порядках на ферме и не представляла, как у него все получится.

Люди, особенно молодежь, стали трогаться из деревни в поисках лучшей доли. Кто-то поехал на север, за большими заработками, кто в город подался, а кто-то уже мотался по стройкам.

Жена долго не могла успокоиться,

хоть и делала вид, но он чувствовал: переживает. Поджидала удобный случай, когда он что-нибудь делал по хозяйству и был в настроении, подкапывала:

– Андрей, вон сосед вчера с заработков приехал, денег привез.

– А тебе что? – останавливался он.

– Ты бы бросал ферму! – просила она. – За копейки работаешь.

– Ты же знаешь, – укорял он её, – что я всю жизнь со скотом работаю. Нет у меня больше специальности.

– Ну и что, – возражала она, – дома-то все сам строишь, ремонтируешь. Топор держать можешь. На стройку иди. Я с соседкой поговорю. Она с мужем поговорит.

Знала, что он не любил ходить по соседям, просить о чем-нибудь, будет сопеть, молчать, но не пойдет.

– Строить могу, – соглашался он с ней, – а хозяйство как? Под нож?! Я на работу уеду, ты одна его не потянешь. На стройке сегодня работа есть, а завтра нет. Особенно зимой, сосед месяцами сидит, сама видишь. И корма покупать, сколько денег надо? А нам детей учить надо.

На этом их разговоры заканчивались. Без хозяйства не представляли, как жить будут. Сено купили, половину от того, что нужно было на зиму.

Единственные, кто не сдался в деревне и не принял новых порядков, это пенсионеры, по любому поводу, особенно за наказание, стали писать везде, искать справедливость. Но реакция властей была медленной и вялой. В районной газетке даже вышла статейка в защиту Барина. Человек спасает хозяйство от развала, заставил пьяницу и вора несколько раз на березу слазить, а в деревне шум подняли. Интересно было посмотреть на автора, если бы его за провинность на работе заставили раз пять слазить на дерево. Впрочем, было ясно, за деньги и не такое напишут.

Сразу, как только встали на зимовку, Тимофеич стал наблюдать за охра-

ной. В первую зиму, когда Барин обещал хорошие деньги, охранники, как хорошие псы, бегали по ферме, обыскивали все углы. Но и им не сдержал слово – по их недовольным разговорам было ясно: хорошо платил только Куроцупу, остальным – минималку. А среди них было много приезжих, даже из города, и ездить в такую даль при такой зарплате было невыгодно. Многие бросали, поэтому Куроцуп стал набирать в охрану из местных. Хорошие мужики не шли, а шли, кому работать было лень. Поэтому шевелились только, когда на ферме появлялся Барин или Куроцуп, тогда они показывали рвение. Стоило начальству уехать, так они сразу в бытовку, где тепло... Но по привычке все равно провожали и обыскивали всех, кто уезжал с фермы.

Это нравилось Тимофеичу, и возить корма с фермы оказалось не так сложно: делал где-нибудь заначку, уезжал с фермы пустым, демонстративно подъезжая к охранникам, чтобы посмотрели сани. А возвращался за кормами ночью, когда охрана предпочитала сидеть в тепле, и всегда старался в разное время, на случай если заначку найдут и будут ждать, пускай морозят сопли. Дорогу для этого случая, натоптал другую, отдельную. Пускай подлинней, но зато сразу выходила к его дому. Это для того, если кто попробует сделать перехват на дороге.

Если охранники едва шевелились, то Куроцуп старался успеть везде. С милицейским рвением пытался вычислить всех, кто кормится с фермы. Иногда, когда приходило время раздавать концентраты, он появлялся неожиданно на ферме и сразу к Тимофеичу – смотреть, как тот раздает корма, по мешкам считает: всё ли высыпал? Голубенькие глазки довольно поблескивали на красной мясистой роже.

– Что, Тимофеич, не повезло сегодня? – ехидно улыбался Куроцуп.

Тот молчал, демонстративно высыпал все мешки перед Куроцупом по кормушкам и недобро улыбался, думал про себя: с каким бы удовольствием влепил кулаком между глаз. Но сдерживался, понимал, что из этого ничего доброго не выйдет. Успокаивал себя, что тот не каждый день его пасет, поэтому, не получилось сегодня, завтра свое возьмет. Вот так и зиму прокормился.

Первый год Барин был доволен результатом работы: надои поднял, воровство прикрыл. Но вторая зимовка из-за недостатка кормов была трудной, а тут еще люди стали разбегаться. Кто оставался, работали спустя рукава, он это чувствовал. Ругал, матерился! Молчали. А рвения не показывали. Казалось, куда бы им деваться из деревни, всю жизнь в земле ковырялись, кроме навоза, ничего не видели. Нет! Не хотят! И уже к концу второго года настроение у него стало меняться. Надои не росли, зато росли затраты и себестоимость. И выходило все в убыток. А тут еще с жалобами достали – в прокуратуру приходилось ездить объясняться по каждому поводу.

На четвертый год прошли выборы главы района, выбрали другого. Барин продал хозяйство и куда-то исчез. Распродав полгаража колхозных автомобилей и заметно сократив поголовье коров. Вместе с ним исчез и Куроцуп. После него сменилось несколько хозяев, но никто не собирался тут жить, возрождать хозяйство, всех интересовали техника и скотина. Хозяевами называть их больше язык не поворачивался, скорее всего это были владельцы. Повладели или, вернее, поимели деревню, как хотели, и в сторонку, оставляя в кредитах хозяйство.

И вот появился последний хозяин, молва утверждала, что это районное начальство его то ли уговорило, то ли

заставило взять все, что осталось от процветавшего некогда колхоза. Была у него своя фирма по переработке и производству круп в городе. А колхоз будет вроде подсобного хозяйства, но всем уже в деревне было все равно, лишь бы работа была, да деньги платили. Собраний больше никто не собирал, мнения людей больше никого не интересовали. Все произошло как-то обыденно, незаметно: в конце рабочего дня приехал новый хозяин со старым бригадиром, посмотрел на коллектив, сам представился. Впечатление производил нормального мужика: невысокий, лет сорока, с темными аккуратно стриженными волосами. Умный взгляд, неторопливая речь, на удивление спокойная, без мата. Всем своим видом внушал уверенность и доверие. Он сразу объяснил:

– Жить в деревне я не собираюсь, но попробую отладить вам производство молока и мяса, деньги у меня есть. Надеюсь, вы меня в этом поддержите. Ведь вы хотите, чтобы ваша деревня жила?

– Да, конечно, – согласились люди, довольные его предложением.

Появилась надежда. И вправду, платить он стал регулярно, хоть и небольшую зарплату. А увеличивать поголовье коров, как раньше было, не стремился. Строить нового тоже ничего не строил. Но теперь по нынешней жизни день прошел, но и бог с ним.

С обеда Тимофеич сразу заехал к больному теленку. Вид его не внушал ничего доброго, так же лежал на соломе, вытянув голову. Его темно-фиолетовые глаза, обрамленные длинными ресницами, грустно и безнадежно смотрели, когда Тимофеич попробовал его поднять, тот даже не захотел сделать попытку встать на ноги. Ничего не оставалось, как перевернуть его на другую сторону и растереть пучком соломы бок, на котором теленок лежал, чтобы не было пролежней.

– Мать вашу! – заругался вслух. – Что же делать?

Вот что ему не нравилось раньше в колхозной жизни – вот такая канитель, когда не найдешь крайнего. Дома заболела скотина, тут у всех другое отношение: как это – растили, ходили, и занемогла – это ЧП для всех. Обстановка, как будто кто-то из семьи заболел. Сколько слез, разговоров только об этом. Ветврач, сразу без разговоров, день или ночь, все бросает, лечить идет. Все силы бросаются, только чтоб эта скотина на ноги встала. Вот жизнь крестьянская!

А тут чужая! Как будто скотина из другого теста сделана? Нет! Отношение другое. Не мое есть не моё! А тварь такая же, тоже хочет жить, не повезло ей только, не там родилась. Наверное, и у детдомовцев так. Сравнение с сиротами вызвало еще больше жалости к теленку. «Надо искать Барина. Пускай едет, смотрит, его же скотина! – решил Тимофеич. – Завезу воз сенажа и поеду в центральную контору».

Завез воз в помещение, сразу запустил телят, было непонятно, сколько проездит. Сначала решил заехать посмотреть бригадира. Может, тот на месте. По дороге увидел, как по трассе проехала иномарка и свернула на ферму. Понукнув коня, полетел к ней.

Иномарка стояла возле дойного гурта. Зашел внутрь помещения, прошел между пустых кормушек, коров еще рано было запускать – до вечерней дойки бы далеко. Прошел в молочный блок. Еще в коридоре услышал голос бригадира, тот что-то бодро рапортовал хозяину. Открыл дверь в бытовку: Барин сидел за столом, держал в руках журнал надоев, а бригадир стоял рядом со столом и рассказывал ему о надоях. Не зря утром делал себе заметки в блокнотике, за день выучил и теперь красовался своим знанием ситуации. При виде Тимофеича замолчал.

– Здравствуйте, – поздоровался

Тимофеич, в нос ударил запах дорого одеколона.

Барин поздоровался с ним.

– У меня заболел теленок, вы бы посмотрели, в каком он состоянии, что делать? Ветврача нет, лечить некому, – сразу обратился он к хозяину.

Тот даже не пошевелился, лишь вопросительно уставился на бригадира. Бригадир нисколько не смутился, стал объяснять:

– Ветврач у нас заболел. Нам бы телёнка на санбойню сдать, чтобы падежа не было.

«Вот жук! – подумал Тимофеич. – Как врет! Заболел! Да у сына жена медиком работает. Справку всегда делает».

– Вы что хотите, чтобы я из-за одного теленка машину гонял? – спросил Барин и тут же стал отчитывать бригадира: – Принимайте какие хотите меры, а падежа, чтоб не было. Иначе будете мне возмещать ущерб в трехкратном размере от стоимости теленка.

Бригадир согласно кивал головой:

– Да-да, Игорь Валерьевич, прямо сейчас примем меры.

Только Барин успокоился, тут же повернулся к Богданову и заговорил приказным тоном:

– Сейчас же вези его в телятник к бабам. Раз сам ничего сделать не можешь, пускай они травяные отвары делают и поят. Завтра ветврач выйдет, сегодня бюллетень закроет и будет лечить. И молись, чтоб он не сдох, первому тебе поставлю в счет зарплаты.

– А я при чем? – разозлился Тимофеич и заговорил зло с обидой в голосе: – Я сколько дней уже к тебе хожу, говорю, что теленок болеет. Ты всего раз ветврача прислал. Сам даже не пришел, не глянул. Тебе его надо в счет зарплаты поставить, чтобы задницу здесь не протирали, а шевелился.

Было видно, как от слов Тимофе-

ича лицо бригадира покраснело от злости. Черные большие усы задержались. Карие глаза превратились в злые щелки из-за оплывших век. Он хотел что-то сказать, но Барин прервал их спор.

– Так, успокоились, концертов мне ваших не хватало. Вы идите, делайте, что вам бригадир велел, – сказал он Тимофеичу. – А мы тут дальше свои дела обсудим.

И Тимофеичу ничего не оставалось, как идти выполнить, что начальство приказало.

Вечером кровавое солнце тяжело садилось на закате, а на востоке уже робко нарисовался бледный силуэт нового месяца в еще светлом небе. На земле вместе со сгущающимися темно-синими сумерками крепчал мороз. И особенно острой становилась вокруг тишина, как будто все в природе вымерло и попряталось в предчувствии чего-то страшного. Такое бывает перед долгой зимней ночью, когда в сосновом бору звонко трещат деревья от лютого мороза, словно кто-то большой и злой ходит по лесу в поисках своей жертвы.

Тимофеич ехал домой с грустным сердцем. Не обращая внимания на обжигающий щеки мороз, на замерзающие пальцы в рукавицах, думал: «Почему так получается? Все сделал, как приказало начальство. Дождался, когда приедут на вечернюю пойку телятницы. С напарником вдвоем увезли больного теленка в телятник. Телятницы сначала не хотели брать, заскандалили, но когда сказал, что это приказ бригадира, сразу притихли, взяли. Только от этого несколько легче не стало, без ветврача теленка не спасти. А теперь, если что выйдет, я виноват! Вроде все старался сделать, чтобы теленок жил. А тут раз – и крайней... Даже никто не хочет разбираться, и теперь целый месяц, если теленок умрет, буду работать бесплатно».

От этих мыслей обострилось чувство обиды на Барина, одновременно вызывая чувство досады на себя. «Эх, сколько лет тебе, а, как глупый мальчишка, надеялся на справедливость. Да все хозяева мазаны одним дерьмом, им бы деньги, деньги... А скотник – он работник и должен приносить прибыль. Ну и что, что всю жизнь отдал деревне, ферме? А получается: ты никто, раз так просто без разбору смогут поставить теленка в счет. Выходит, зря только тратишь здоровье и время. Нужен им, пока приносишь прибыль... А завтра умри, и никто тебя добрым словом не вспомнит!»

Где-то в душе Тимофеич понимал, что когда-то наступит день, когда он должен будет уйти, и надежда была, что это будет пенсия. Но такого плевка в свою душу он не ждал. Вроде ко всему привык, а чувствовал себя хуже скотины. В душе зрел протест: «Надо что-то делать?»

Глубоко вздохнул: «Выход один – бросать эту работу! Теперь не Советская власть, можно не работать, жить своим хозяйством».

Мысль показалась ему спасительной: «А правда, почему бы тебе не заняться своим делом?»

Иногда эта мысль приходила к нему, но он гнал её – надо было учить сначала дочь, потом сына. А теперь сыну осталось полгода, до весны, а там в армию, таких расходов не будет.

Быстро прикинул в уме: если затянуть ремень и быть экономней, они и сейчас могут прожить без работы. Ту зарплату, что он получает у Барина, он будет возмещать своим хозяйством. А если немного увеличить поголовье, так доходы увеличатся. А что им с супругой надо? У неё пенсия. Вот и будут копать по хозяйству. Сами себе хозяева. Не надо никому заглядывать в рот. Работать он может. Здоровье еще есть, до пенсии себя прокормит. Да и детям помогать будет внуков подымать. Самое

главное – свое хозяйство, тут и дети помогать будут.

Он почему-то сразу представил, как приезжают к ним дети с внуками и помогают ему кормить скотину. «Смотришь, и потянутся к земле. Неужели он последний из рода Богдановых, кто живет в деревне на земле. Нет! Так не должно быть. И не будет, если у них будет свое хозяйство».

От этих мыслей стало легче, он весело подстегнул коня вожжами. И, довольный, рассмеялся, представив, какое лицо будет у жены, когда вечером, после того как они накормят свое хозяйство и сядут ужинать, он расскажет ей о своих планах. Будут Богдановы жить еще в этой деревни и на этой земле!..
